

Фонд гуманитарных исследований и инициатив «АЗБУКА»
Кафедра общего языкознания и истории языка ДонНУ

РЕКВИЕМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

Издательский дом Дмитрия Бурого

2015

УДК 80(082)
ББК 81я43

Редакционная коллегия:

В. М. Калинин (отв. ред.),

Л. П. Борисова, К. В. Першина, Н. А. Ярошенко, К. С. Федотова

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор Шаклеин В. М.

д-р филол. наук, профессор Андрущенко Е.А..

Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина. Сборник научных трудов / ФГИИ "Азбука". – К.: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015. – 640 с.

ISBN 978-617-7349-13-5

Книга посвящена памяти выдающего ученого-слависта, ономаста, автора около четырёхсот научных трудов, основателя Донецкой ономастической школы профессора Евгения Степановича Отина.

Издание содержит научные статьи по языкознанию, истории языка, лингвистике и литературоведению. Представлена библиография научных трудов Е. С. Отина, некоторые документальные материалы и фотографии, связанные с жизнью и деятельностью учёного.

Для научных работников, специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов.

УДК 80(082)

ББК 81я43

ISBN 978-617-7349-13-5

© Фонд гуманитарных исследований и инициатив "Азбука"

© Лаборатория прикладного языкознания и медицинской лексикографии ДонНМУ им. М. Горького, 2015

© Кафедра общего языкознания и истории языка ДонНУ, 2015

© Коллектив авторов, 2015

© Издательский дом Дмитрия Бурого, 2015

Уч
личность
наставни
то его не
веселую.
сказал он
за чертой
крымско
М
Крымгу
и полеми
Рады мы
статей, с
привозят
есть дру
всегда бу
неутомим
У
обязатель
месту пуб
неизбежн
Ев
профессо
лействин
Заслужен
профессо

С. А. Кочетова (Горловка)

**СМЫСЛ НАЗВАНИЯ РОМАНА М. АЛДАНОВА
«НАЧАЛО КОНЦА» КАК ДОМИНАНТНАЯ МОДЕЛЬ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ**

Сообщение посвящено рассмотрению смыслового потенциала названия романа Марка Алданова «Начало конца». Предпринятый анализ поэтики названия произведения позволяет выявить многообразие поэтологических средств, использованных автором в повествовании для интерпретации идеи начала конца, перед которым оказывается человечество.

Ключевые слова: поэтика названия, интерпретация, тема, мотив, проблематика.

**THE SENSE OF THE NOVEL
«THE BEGINNING OF THE END»'S TITLE BY MARK
ALDANOV AS THE DOMINANT MODEL
OF ARTISTIC NARRATIVE**

The report studies the semantic potential of the title of the novel "The Beginning of the End" by Mark Aldanov. The undertaken analysis of the poetics of the work's title reveals the diversity of the poetic means used by the author in the narrative for the interpretation of the idea of "the beginning of the end", which humanity has to encounter.

Key words: the title's poetics, interpretation, theme, motif, problems.

Роман Марка Алданова «Начало конца» во многом является программным для эстетики писателя. Это произведение было задумано и создано автором в тяжёлое для Европы время – период зарождения и распространения фашистской идеологии: «Так получилось, что отдельное издание "Пещеры" увидело свет в Германии при Гитлере в середине 1930-х. Власти страны вскоре

спохватились, начали жечь книги Алданова на городских площадях. Тогда же Алданов решил, что его следующий роман будет не о событиях прошлого, а на остросовременную тему» [5, с. 14–15]. Сложным оказался путь романа «Начало конца» к русскоязычному читателю. Как известно, издать книгу в США на русском языке Марк Алданов возможности не имел. Но уже в апреле 1942 года в двух выпусках нью-йоркского «Нового журнала» писатель смог поместить заключительные главы романа [Подробно об этом: 4]. В России предвестием появления романа стала вступительная статья к вышедшему в Москве в 1991 году шеститомнику Марка Алданова, содержащая отдельные цитаты из текста произведения. И только в середине 1990- годов роман на русском языке пришёл к своему читателю в России.

Вне сомнений, название романа «Начало конца» является знаковым для эпохи, в которой жил писатель, эпохи, которую М. Алданов представил в произведении. Интерпретация названия романа только способствует полноценному постижению глубинного идейно-смыслового наполнения текста, адекватного авторскому замыслу. Известно, что название произведения в концентрированном виде имплицитно или, например, эксплицитно представляет смысл, заложенный в повествовании. В анализируемом тексте автором создан эффект наложения (слияния) явно и опосредовано выраженных смыслов. Сложное взаимодействие художественного текста и его заглавия порождает многоступенчатую структуру, включающую текст, метатекст, контекст, подтекст и паратекст. Заглавие выполняет функцию своего рода символа идейного смысла художественного произведения, ориентирует читателя в содержательном «наполнении» произведения.

Так, Марком Алдановым, как отмечает А. Чернышев, «на раннем этапе работы было найдено название: "Начало конца". Когда автор будет его дописывать, война уже будет идти, и название книги он будет в письмах друзьям расшифровывать так: "начало конца культуры и свободы", "начало конца мирной передышки между двумя войнами"» [5, с. 15]. Примечательно, что герои романа, имеющего оксюморонное название, постоянно находятся в пограничном состоянии, мечутся, размышляют, выбирают свой путь. Порой, вопросы современности, на которые они не могут ответить, они постигают интуитивно, доверяя, согласно алдановской

※ ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА ※

теории философии случая, непредсказуемости случая в истории человечества. Балансирование на грани пропасти становится характерной чертой мироощущения героев романа, а переживание хаоса – перманентным состоянием личности. Апокалиптические настроения окрашивают робкое стремление героев обрести стабильность положения, миропонимания, адекватного вписывания собственной персоны в хаотично развивающееся общество: «До сих пор я никогда не мог понять, не мог охватить прямого смысла загадочной главы. Начинаю понимать только теперь: *Nondun est finis. Naes autem initia...*». Заметьте, вся *настоящая* литература, церковная и светская, художественная и философская, всё вообще, над чем три тысячи лет думают умнейшие из людей, это эсхатология в самом подлинном и достаточно страшном смысле. Обратитесь ли вы к литературе богословской <...> все отцы церкви, за исключением, кажется св. Иренея, утверждали, что мир стар, что мир дряхл, что мир идёт к концу, что мир – издыхающее тело, которое перед смертным часом грызут неизлечимые болезни, что мир – готовый рухнуть дом, от которого уже отваливаются камни, что настал закат мира...» [1, с. 233] – подчёркивает один из героев. Ощущение конца мира наполняет умы и души всех без исключения героев романа («Чёрт делает, что может, он на прямом пути к всемогуществу» [1, с. 422]), они его чувствуют [1, с. 239], но при этом они не обольщаются, понимая, что застанут самый разгар переворота, самый пик «начала конца»: «Мы с вами ещё покатаемся по волнам потопа» [1, с. 398]. Каждый герой по-своему подходит к собственному «концу». Вислиценус практически смирился со своей участью: «Гестапо или ГПУ?» [1, с. 457], Кангаров рассуждает о своей судьбе: «...Жизнь моя на исходе, начало конца» [1, с. 550], Вермандуа отдаёт себе отчёт в понимании собственного «начала конца» [1, с. 557, 632].

Апокалиптические настроения пронизывают весь текст романа, а тот факт, что «в 1942 г. готовя английский перевод для издания в США, Алданов даст роману новое название "Пятая печать"» [5, с. 15], только усиливают ассоциативный контекст произведения. Название произведения, являясь смысловой доминантой, позволяет читателю в актуализированном ракурсе воспринимать основную идею повествования. Как видим, полисемантика названия «начало конца» сопровождается привходящими смыслами при учёте второго варианта названия романа – «Пятая печать». Вспомним утверждение

П. Рекёра о том, что «однозначность или многозначность нашего дискурса зависит не от слов, а от контекста <...> Если же контекст допускает или предусматривает одновременно несколько изотопий, то мы имеем дело с глубоко символическим языком, который, говоря об *одной* вещи, говорит и о *другой*. Вместо того, чтобы поддерживать одно измерение смысла, контекст делает возможным (и даже обеспечивает) определённое существование нескольких измерений, на манер того, как разные тексты наслаиваются друг на друга на палимпсесте. В таком случае полисемия наших слов обретает свободу» [3, с. 138].

Избрав для названия слова о пятой печати из пятой и шестой глав Откровения Иоанна Богослова, автор отсылает читателя к евангельскому «Апокалипсису», где излагается история о запечатанной священной книге и Агнце, который достоин снять с нее печати. Последовательно снимая четыре печати, он выпускает в мир всадников, несущих людям войну и голод, мор и смерть. В момент открытия пятой печати Иоанну открываются души убитых праведников, требующие отмщения: «И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка Святый и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» [2, 6: 9–11]. Герои романа, пройдя через многочисленные испытания, оказываются перед выбором: открыть пятую печать, осознать необходимость отмщения за невинно убиенных и действовать, или, напротив, не срывать пятую печать. Иными словами, герои определяют свою жизненную платформу – остаться рабом обстоятельств, покориться им или избрать свободу действий, быть ответственным за мир перед человечеством. В таком случае, человек может быть достойным «взять книгу и снять с нее печати, ибо <...> был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени» [2, 5: 9]. Герои ощущают начало конца и, тем самым, проходят через инициацию искупления за свои заблуждения и грехи. Смысл символа пятой печати в романе заключается в искуплении своих и чужих грехов.

* ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА *

Одним из «объединяющих» столь разных героев грехов является грех оторванности от своей Родины. Намеренно или «по службе», но герои оказываются вдали от своей родной земли: Кангаров, Надя, Вислеценус, Тамарин, который всё рассуждает, правильно ли поступил, оставшись на службе у новой власти и всё время себя утешает, что он сделал верный выбор. Об этом жарко рассуждает Вермандуа. Эта мысль звучит в истории с секретарём Альвера, поскольку он – иностранец. Этот факт неоднократно подчёркивает и Вермандуа, и Серизье. Эта мысль звучит в эпизодах проезда Тамарина по территории Испании («испанисто», шофёр-немец, оторванный от своего народа). Своя страна всегда поддерживает и ей нужно быть верным (!) – последние слова Вермандуа: «"Да, когда всё погибнет, единственное, что ещё можно уберечь, – это своё достоинство и независимость. И этому должно быть всё принесено в жертву. Бедность? Нищета? Ну и пускай бедность и нищета! Я французский писатель!" С упоением, с подъёмом, которого у него не было при отделке самых лучших его страниц, Луи Этьен Вермандуа повторял слово, ещё никогда, верно, не раздававшееся в историческом дворце королей» [1, с. 637].

Одной из ведущих тем произведения является тема верности своему призванию. Каждый герой пытается сохранить в себе верность своему призванию: Вермандуа – писательству, Тамарин – военному делу. Кангаров-Московский всё время переживает своё отступничество. Серизье, интенсивно строящий карьеру, соглашается защищать без гонорара Альвера отчасти из соображений рекламы (но об этом поступке мало кто знает), отчасти из любви к своему делу, из профессионального любопытства, из верности обязанностям он спешит на казнь. Врач Фуко готов даже полностью без оплаты принять Вислеценуса только потому, что случай болезни интересен ему как профессионалу. В то же время Кангаров, придумывающий себе болезни, как пациент его совершенно не интересует. Но вердикт М. Алданова постулируется достаточно жёстко: «Делать в жизни своё дело, делать его возможно лучше...» [1, с. 637].

Роман охватывает трудное десятилетие с начала 1930-х годов вплоть до 1937–1938 года. Художественное время повествования разбивается на несколько этапов самоопределения героев. Сложную структуру имеет художественное пространство повествования. С

одной стороны, оно ограничено в основном территорией Франции, Парижем, предместьями Парижа. На некоторое время действие переносится автором в Испанию, в маленькие города, попадающиеся на пути командарму Тамарину, и в охваченный гражданской войной Мадрид. Герои одновременно живут в двух пространствах: в своей реальности и в пространстве памяти. Перманентные экскурсии в память в Москву или Петербург, постоянное стремление вернуться в Москву, воскрешение в памяти лучших воспоминаний, связанных с молодостью, успехом, надеждами, сопровождают отдельных персонажей на протяжении всего повествования.

Отдельный тематический план романа составляет литературный пласт повествования. Постоянно «всплывает» фон творческого наследия Ф. М. Достоевского. Во-первых, одна из сюжетных линий – история секретаря Альвера – связана с сюжетом романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Альвера постоянно сверяет свои действия с действиями Раскольникова. Особенную смысловую нагрузку несёт приснившийся Альвера страшный сон, напоминающий страшный провидческий сон Раскольникова и позволяющий метафорически интерпретировать душевное состояние героя Марка Алданова [1, с. 632]. Имя Ф. М. Достоевского появляется в связи с разработкой образа Вислиценуса, который проявляет особенное внимание к творчеству русского классика [1, с. 446–447]. Вислиценус неприязненно читает Н. В. Гоголя [1, с. 446–451]. На страницах алдановского романа не случайно упоминается имя М. Н. Загоскина.

Литературный фон романа позволяет автору при помощи интертекстуальных параллелей актуализировать глубину идейно-тематического звучания событийных и философских акцентов в повествовании. Так, Надя по-чеховски («Три сестры») стремится в Москву. В связи с литературной деятельностью Нади в письме её московского знакомого Евгения всплывают имена М. Горького, Ф. М. Достоевского, У. Шекспира [1, с. 605].

При разработке образа Вермандуа автором устанавливаются межтекстовые связи с романом Ф. К. Сологуба «Мелкий бес». Вермандуа, страдает комплексом неполноценности (вдруг окружающие подумают, что у него недостаточно финансовых средств?) и большим воображением. Во взгляде секретаря Альвера он постоянно ловит насмешку и «подмигивающее» издевательство

✱ ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА ✱

[1, с. 105]. Его «преследует» сологубовская недотыкомка. Психическая неуравновешенность Вермандуа усугубляется его претенциозным сопоставлением себя с великим И. В. Гёте [1, с. 304]. Именно в образе Вермандуа, признанного французского писателя, претендующего на определённое место в истории французской литературы, автор подчёркивает мысль о неоправданных запросах современников, мало способных в реальности на решительные судьбоносные поступки.

Литературная деятельность, как попытка самореализации личности, иронически представлена М. Алдановым на примере разработки образа Нади. Героиня пытается написать бытовой рассказ, основанный на вымученном сюжете [1, с. 460–461], а потом с замиранием сердца отправляет его в редакцию одного из московских журналов с надеждой на публикацию. Мотив творческих поисков получает своё развитие в образе Вислиценуса, который придирчиво подбирает слова в речи, следит за правильностью их употребления, возмущается небрежностью лишних слов [1, с. 446–451].

Отметим, что мотив творчества дополняется мотивом психического помешательства, который, в свою очередь, становится одним из перманентных привходящих мотивов романа. Вермандуа страдает от мании преследования и навязчивой идеи соперничества [1, с. 212–213, 556]. Другие герои находятся на грани помешательства, постоянно ожидая слежки: шпионы и шпики то и дело всплывают перед Кангаровым (даже открытка, написанная из Испании Наде – повод задуматься, не присматривает ли за командармом шофер-немец или телохранитель-испанец), Тамариным, Вислиценусом. У кого-то ожидания «оправдываются»: Вислиценус бесследно пропадает, не взяв вещей, не расплатившись за постой с хозяином, не извинившись перед Надей. Кангаров придумывает «спасительное» и «успокоительное» («Однако он как будто немного успокоился: успокоительно было главным образом то, что никакого шума происшествие не вызвало» [1, с. 533]) для него самого объяснение исчезновения Вислиценуса: «Вероятно, пустяки! Просто куда-нибудь уехал... <...> Кангаров вдруг почувствовал, что его заливают радость. "Но как же мне это не пришло в голову? Конечно, он ускакал в Испанию, именно ускакал! Тогда всё более или менее объясняется!" <...> Да, ты угадала, Вислиценус, я слышал, уехал

в Мадрид Иванович, но, пожалуйста, никому об этом ни звука не говори» [1, с. 532–534].

Функцию своеобразного напоминания о начале конца выполняет интермедийный элемент поэтики романа – музыка. Как правило, звуки музыки характеризуют состояние героев и их поступки. Так, в военном Мадриде заболевающий Тамарин слышит музыку под окнами места своего ночлега. Под музыку, несущуюся из радиоприёмника, Альвера убивает старика. «Реквием» В. А. Моцарта слушают в салоне графини. И музыка великого композитора, посредством которой композитор «сказал всю правду и другим лгать не велел» [1, с. 573], становится прологом к окончательному приговору Вермандуа: «Человечество идёт к помойной яме...» [1, с. 575].

В целом, анализ смыслового потенциала названия романа Марка Алданова «Начало конца» наглядно демонстрирует планомерно выстраивающуюся модель, в рамках которой в дальнейшем развивается повествование. Автор прибегает к разнообразным поэтологическим средствам, используемым для воссоздания определённой зловещей атмосферы кануна катастрофы – конца культуры и, через войны и смерти, конца мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алданов М. А. Начало конца: роман / М. Алданов. – М.: Эксмо, 2012. – 640 с. – (Библиотека всемирной литературы).
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов. – СПб.: Издательство «Российское Библейское Общество», 2009. – 1234 с.
3. Рекёр П. Герменевтика, этика, политика: Московские лекции и интервью. – М., 1995. – С. 138.
4. Чернышев А. Алданов в Америке // Новый Журнал. – 2006. – № 244. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nj/2006/244/ch12.html>
5. Чернышев А. Начало конца, или Пятая печать / А. Чернышев // Алданов М. А. Начало конца: роман / М. Алданов. – М.: Эксмо, 2012. – 640 с. – (Библиотека всемирной литературы). – С. 7–38.

✱ ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВИЧА ОТИНА ✱

<i>Соснина Л. В. (Донецк)</i> Ономаσιологические классы деривационных композитов	342
<i>Супрун В. И. (Волгоград)</i> Ономастический и диалектный материал в документах государственного архива волгоградской области	349
<i>Ткаченко Г. В. (Одесса)</i> Особливості репрезентації хремотонімів в V колі індивідуального хремотонімного фрейму	360
<i>Ходоренко А. В. (Днепропетровск)</i> "Субъективная" семантика наименований групп лиц	366

ЛИНГВИСТИКА

<i>Гусева Е. И. (Мариуполь)</i> Ното loquens и концепт «слово»	378
<i>Теркулов В. И. (Донецк)</i> Два типа эквивалентности "слово-словосочетание" в толково-словообразовательном словаре сложносокращенных слов русского языка"	386
<i>Филатова Е. В. (Донецк)</i> Проблема синтаксиса в свете синтагматической теории речи и основных субъектов речевой деятельности	397
<i>Эмирова А. М. (Симферополь)</i> Способы образования крымскотатарских фразеологических единиц	408
<i>Ярошенко Н. А. (Донецк)</i> Общая характеристика пропозиционально-фреймовой структуры словообразовательного гнезда существительного <i>вера</i>	416

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Иванова Н. И. (Горловка)</i> Экспансия вставок (исповедь Ставрогина)	431
---	-----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Квашина Л. П. (Донецк)</i> На границе литературы и жизни: стратегия жанра (Андрей Тургенев и Григорий Печорин)	443
<i>Кочетова С. А. (Горловка)</i> Смысл названия романа М. Алданова "начало конца" как доминантная модель художественного повествования	453
<i>Ланская О. В. (Липецк)</i> Салон А. П. Шерер в 1812 году: языковое воплощение пространства (на материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир») ..	461
<i>Пахарева Т. А. (Киев)</i> Творчество Б. Ахмадулиной и лингвоцентричная поэтическая парадигма	467
<i>Сорокин А. А. (Донецк)</i> Социальный человек романа "Затя" А. А. Зиновьева	477
<i>Федоров В. В. (Донецк)</i> Автор и его бытие	486

510
513
527
537
544
560
567
626
635

Научное издание

РЕКВИЕМ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

*Сборник научных статей, посвященный
светлой памяти проф. Евгения Степановича
Отина*

Ответственный редактор
Калинкин Валерий Михайлович

Технический редактор
Федотова Ксения Сергеевна